

ЗАЧЕМ И КАК НАМ ДАЛЬШЕ ЖИТЬ?

Рос. газета. — 1999. — 30 апр. — с. VII

Никита МИХАЛКОВ, председатель Союза кинематографистов России

ЕСЛИ говорить прямо и серьезно, мы что, не понимаем, что происходит? Я не беру в расчет мнение таких кукольных персонажей из театра марионеток, как бывшего министра иностранных дел Козырева или "обитателей" булгаковской квартиры "33 БИС" вроде адвоката Макарова и научного капиталиста Бурбулеса, равно как и циничного иноземца Коха... Эти и иные с ними устроились хорошо. И вопросов у них нет. Но большинство нормальных людей мучительно ищет ответы на вопросы, которые поставила перед ними жизнь. У них выбита почва из-под ног, они растеряны, и в этой растерянности они судорожно спрашивают себя и друг друга: "Как жить?" Но вопрос этот в России, будучи поставленным первым, изначально ошибочен. Нет на него ответа без того, чтобы не решить сначала нам всем: зачем жить?..

Что бы мы ни выдумывали на научных конференциях, за стенами государственных дач, как бы ни стилизовались лбами на сессиях Государственной Думы и Совета Федерации, мы не найдем собственной дороги, если честно и откровенно не ответим себе на вопрос: зачем мы живем? Ответ на него и есть та национальная идея, которую мы так мучительно ищем. Но вообще-то нужна ли она нам, новая национальная идея? Ведь если опять же, как предложено, спокойно сесть и сосредоточиться, то вдруг может выясниться, что состоит она из совсем до обидного простых и незатейливых понятий. Национальная идея в России — это вера, труд, семья, любовь и верность к Отечеству, а далее по заповедям. И вот хоть убей ты меня здесь, не поверю я, что найдется кто-нибудь в этом зале или еще где-либо, кто придумает что-нибудь новое. То есть, конечно, новое придумать можно, но лучше — нет. А что происходит сейчас? Мы даже двуглавого, смотрящего на Восток и на Запад, орла из нашего герба перекосили, повернув обе головы в одну сторону. Гордый российский орел теперь с раскрытым клювом и жадными глазами глядит на Запад в надежде получить очередной транш, забыв о том, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и не понимая, что именно ведет нас к нарастающим комплексам государственной неполноценности.

Дом, в котором живут в долг, полноценным домом быть не может. А когда домом этим является Россия — это неминуемо отразится не только на ней самой. Неполноценная, закомплексованная слабая Россия — опасность для человечества.

Теперь о власти. Говорил раньше, повторю и сейчас. В нашем столь незрелом и полуприрожденном обществе, умноженном на гигантскую территорию, каждые четыре года мы можем оказываться стоящими не перед выбором лидера, а перед выбором государственного строя, что равносильно бесконечному процессу гражданской войны, но только той гражданской войны, героями которой будут не Анка-пулеметчица с верным "Максимом" и не веселый Петя с вороненым "Маузером", а безграмотные стратеги, подобные тем, кто начал войну в Чечне, и вооружены они будут не чапеевской шашкой, а несметным количеством ядерных боеголовок. Вы только вдумайтесь, что делать, как быть мальчику, поступившему в военное училище, отучившемуся там три года и принявшему присягу, то есть уже вооруженному защитнику Отечества, если через четыре года, пока он учился, к власти придет новый президент с новой идеологией недовольных и прикажет обернуть оружие против тех идеалов и принципов, которым этот мальчик присягал. Ни для кого не секрет, что в дореволюционной России в паспорте не значилась Национальность, а только вероисповедание, юнкера Московского александровского училища принимали присягу перед лицом священнослужителей своих конфессий,

перед ними стояли и православный священник, и мulla, и ксёндз, но в результате все они становились русскими офицерами. Русские офицеры — это не люди одной крови или веры, это люди единого служения своему государству. Они служили России и знали, за что они поведут солдат умирать и за что умрут сами. Потому хотелось бы задать и нам один вопрос: а что мешает всем нам, кто бы ни был, почувствовать себя этими русскими офицерами и, отбросив личные амбиции, выгоду и узкопартийные интересы, послужить Отечеству, послужить ему, ощутив в себе человеческое национальное достоинство, гордость от того, какие владения оставили нам наши предки, какую культуру, какие традиции, какую великую историю и какие самобытные и самоценные таланты? Не смена царя или главнокомандующего страшна для такой страны, как наша, а смена политического строя. Это всегда катастрофа, и причем надолго. Вот почему я как раньше, так и теперь утверждаю: в России по крайней мере сегодня, равно как и в ближайшем будущем должна быть четкая вертикаль власти, обеспечивающая преемственность и стабильность ее. Это совершенно вписывается в понимание и представление о просвещенном консерватизме, единственно, на мой взгляд, возможной форме развития российского общества, что есть неразрывная связь прошлого с будущим через настоящее. Это суть "Нашего дома".

И не четыре года должно длиться правление всенародно избранного лидера. Четыре года не срок для страны такого масштаба, как наша. А минимум семь лет...

"Наш дом" — это не просто Россия, это Евразия. Судьба распорядилась так, что возникло Московское царство и Российская империя. Центр Евразии просто не мог существовать иначе, такова логика истории, таков Божий промысел. И сегодня, базируясь на фундаменте Евразийского дома и живя в мире и понимании с европейским, азиатским, африканским, американским домами, первое, что мы должны сделать, — это перестать общаться друг с другом на шершавом языке коммунистического общечеловечия и перейти на язык культурно-межличностного цивилизованного общения. На земле, которую Господь дал нам для проживания, не могла не возникнуть своеобразная особая культура, возник новый вид культуры цивилизации — евразийский.

ВНЕЕ разное время и разными долями входили все народы, населявшие огромные континентальные пространства. И русскую культуру, читай евразийскую, и русский язык, читай евразийский, которые стали языком и культурой межнационального континентального общения, создал не один этнос, это славяне и закаленная сталь многих языков и культур, начиная со славян, печенегов, татар, хазаров, варягов; литвинов, казаков и горских народов. Мы все прямо или косвенно варились в одном цивилизационном котле...

Теперь о культуре. Не нужно путать культуру и цивилизацию. Культура — это многовековой путь. Цивилизация же сегодня — попытка воспользоваться результатами этого пути. Да, конечно, можно, имея деньги, купить картину Тициана и повесить ее у себя в доме, но нельзя купить историю, которая этого Тициана породила. Мы же, имея такую культуру и такую исто-

рию, сами отвергаем ее в пользу цивилизации, забывая, что иметь это еще не значит быть. Трагедия сегодняшнего мира заключается в том, что гуманность человечества пожирается цивилизацией.

Пример тому война на Балканах. Я не буду говорить об этом сегодня подробно, скажу только одно: полярные представления о том, что такое война — это трагедия для человечества. Для одних война — это компьютерная игра, когда с высоты десятки метров, словно в салоне детских автоматов, ты, удобно устроившись в кресле, ловишь на экране дисплея что-то абстрактное, находишь на кнопку и не чувствуешь, не понимаешь, что для других в эту секунду реальный мир превращается в реальный ад с развороченными телами, оторванными руками, ногами, с кровью, слезами, и

Н. Михалков на трибуне VI съезда НДР.

причем навсегда, а ты уже в это время подлетаешь к своей базе. Ну и здесь, одно дело — ученые разработки военных специалистов и совсем другое — многовековой опыт войны на своей земле. При пересечении фантомной жизни и реальности в этом перекрестке остается только реальность.

Я уже сейчас могу себе представить ужас, который охватит американских матерей при виде гробов с их реальными сыновьями, вернувшимися из несуществовавшей для них раньше абстрактной страны со странным названием Югославия. Да, мир велик и огромен и несентиментален. И не нужно думать, что война на Балканах — это война против сербов и в защиту албанцев. Совсем нет. Война на Балканах — это репетиция, прикидка нового передела мира. И мы должны быть готовы ответить себе и другим на вопрос: можем ли мы этот новый вариант мироустройства принять? И что нам делать, если не можем? На что у нас пороха хватит, а на что нет? А ответить честно можно на этот вопрос, если мы серьезно и спокойно задумаемся: кто мы такие — твари дрожащие, как говорил Достоевский, или ощущающий свое значение и ответственность перед человечеством народ.

Но для этого нам необходимо очнуться от этого наваждения бессилия, безволия и соблазна винить всех и вся, кроме себя. Трусливо и наивно предполагать, что нам кто-то поможет, кроме нас самих. Еще можно разбудить нашу политическую волю и сказать всем, а в первую очередь самим себе: мы — народ, который умеет все

делать сам — от деревянной ложки до баллистической ракеты, от лубочной сказки до вершин творчества Пушкина, Достоевского и Толстого, от деревенских колядок до симфоний и опер Чайковского и Мусоргского. И еще, ясно и прочно нужно затвердить и почувствовать, что Россия — это не только центр. Ее душа, тело, ее вера — земля, над которой можно лететь девять часов на самолете, и везде под крылом будут города, городки и села, где люди говорят на одном и том же своем языке. И к ней нужно относиться как к живому организму, а не как к территории. И, как любой живой организм, она может болеть, но лечить ее нужно только любовью.

И последнее. Мы разрушили Берлинскую стену, но возвели стену между нашими народами, соединенными когда-то в Российскую империю и Советский Союз. Мало того, мы воздвигаем стены между собою. Всем известен принцип: мой дом — моя крепость, но, к великому сожалению, крепостей мы построили много, а домов маловато, потому что мы порой забываем, что, как бы мы ни отделились заборами друг от друга, заборов до неба не бывает. И небо это — как купол, как крыша над нами — общее. Под этим божьим небом нам и надо учиться устраивать свою жизнь, а устроить ее можно только в том случае, если мы будем чувствовать нашу землю нашей землей.

ПОСМОТРИТЕ, сколько вокруг милых чистых коттеджей, обнесенных общими или индивидуальными заборами. И что творится на обочинах дорог, за этими заборами. Какая грязь и мерзость запустения, какое равнодушие к лицу своей земли. Мы уже не видим, не замечаем этого убожества, потому что оно к нам как бы не имеет отношения, это не за нашим порогом, это там где-то чье-то общество. В такой грязной, неухоженной, неумной и неприбранной стране не могут родиться светлые мысли, общие для всех. В добровольном запустении гибнет воля жить. Так давайте начнем с этого.

Я понимаю странность и внешнюю примитивность моей мысли, но все-таки давайте приборем и вымоем нашу Родину. Давайте найдем слова и

совершим поступки, которые убедят людей в том, что это необходимо сделать. Я знаю, я глубоко уверен, это первое, с чего нужно начать. Как это не наивно может выглядеть, но если объединить людей на это простое, не хитрое и не требующее большого интеллекта и глубоких мыслей дело, в результате которого — народ воспрянет. Из серо-грязной, заваленной хламом, мусором и пластмассовыми бутылками от кока-колы помойки Россия превратится в тот самый Дом, где люди смогут спокойно подумать и решить, зачем и как им дальше жить. Уверю вас, дорогие друзья, за этой с виду шутливой, дворничьей задачей лежит намного более глубокий смысл.

Каждая из существующих партий предлагает свое видение будущего страны, ее экономики, ее политики, внешней и внутренней, и почти никто не думает о внепартийной, объединительной идее для всего народа, для нации. Вспомните на своем опыте, как меняются взаимоотношения людей, когда не знавших друг друга прежде, когда они по случайному стечению обстоятельств делают одно общее дело: вытаскивают автобус из грязи, тушат пожар или валят дерево: А я предлагаю сделать приборку квартиры в масштабах страны. Тот, кому удастся это сделать, получит ключ к сердцу народа. И в конечном итоге его доверие. Ведь в конце концов другой Родины у нас нет с вами. Вспомним нашего великого Александра Твардовского: "До чего земля большая, необъятная земля, да была б она чужая, чья-нибудь, а то своя".

Выступления делегатов и гостей съезда публикуются в сокращении. Многие просто не вместились в один номер газеты. И разговор будет продолжен. Надеясь, что к нему подключатся и читатели — пишите: адрес на этой полосе.